

Камень

На Камне Тулым, в верховинах его, на скальном венце – Рысь дозором. Закат следит.
За вечером вечер: закат следит.

А с того ли да Камня Тулымского?..

Может, и был: не Тулым, а был Камень Ветлан.
Или Камень Полюдов, или Писанный Камень, или вот – Говорливый.
Не то – петушиный гребень Речного Брата, Яп-Канга, но может статься – и скошенный лоб Чува́ла.
Другой ли какой тумп, угёс ли оветренный... Да разве ж то кому ведомо верно?!

Пути-то рыски рысьи – быстры да вольны, к любопытному ж – люты.

А под-над Вишерой сплошь – хребты да гребни, да кряжи: Камни могутные, эпохами тёсанные.
А на них – лыси да залысины, да лбы: не то мудрецов, не то бараньи. И курумы-курумники там же всенепременно – каменные россыпи: то недвижимые, спящие, то живые, те, что языками-прядами, каменными реками к долам стекают, дромы-буреломы взрезают непролазные: в ельниках старых, пихтарниках древних, кедровниках вековых. Да ещё: в рудовых лесах сосны красной, прочнее которой разве что дуб чёрнодревный, в водах томлённый-морёный от полутора тысяч годков да боле, благородством и целебною силою также славится.

То и правда: где ж тот счастливец, что Рысь Русь сумел отследить и потом себе здравствует,
а не костями по логам-излогам тлеет?

На Камне Тулым, на скальном венце его – Рысь дозором: закат следит. Думы думит.

Камень Тулымский – хребет горный и заглавная гора его

encyclopedia | Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура | авторский парафразис

Всем вишерским Камням Камень – Тулым, первый над всеми. И статью богатырскою, и могутою великанскою. Верховинами ж – лыс.

Впрочем, как и все Камни статные, рослые – вёлотные.

Гребень-то его долгий – из гольцов одних, холодами битых, ветрами бритых.

А лыси-прёлыси сплошь курумниками устланы: где и мхи с ягелями на них понаползли, где и кости-рога промеж каменной стлани к небу белеют, да не только оленьи.

От верховин же низом – скаты тулымские дже мохнаты, на всякий лад: и пихтово, и ельно, и кедрово, и берёзою также. И родниками-ручьями богато:

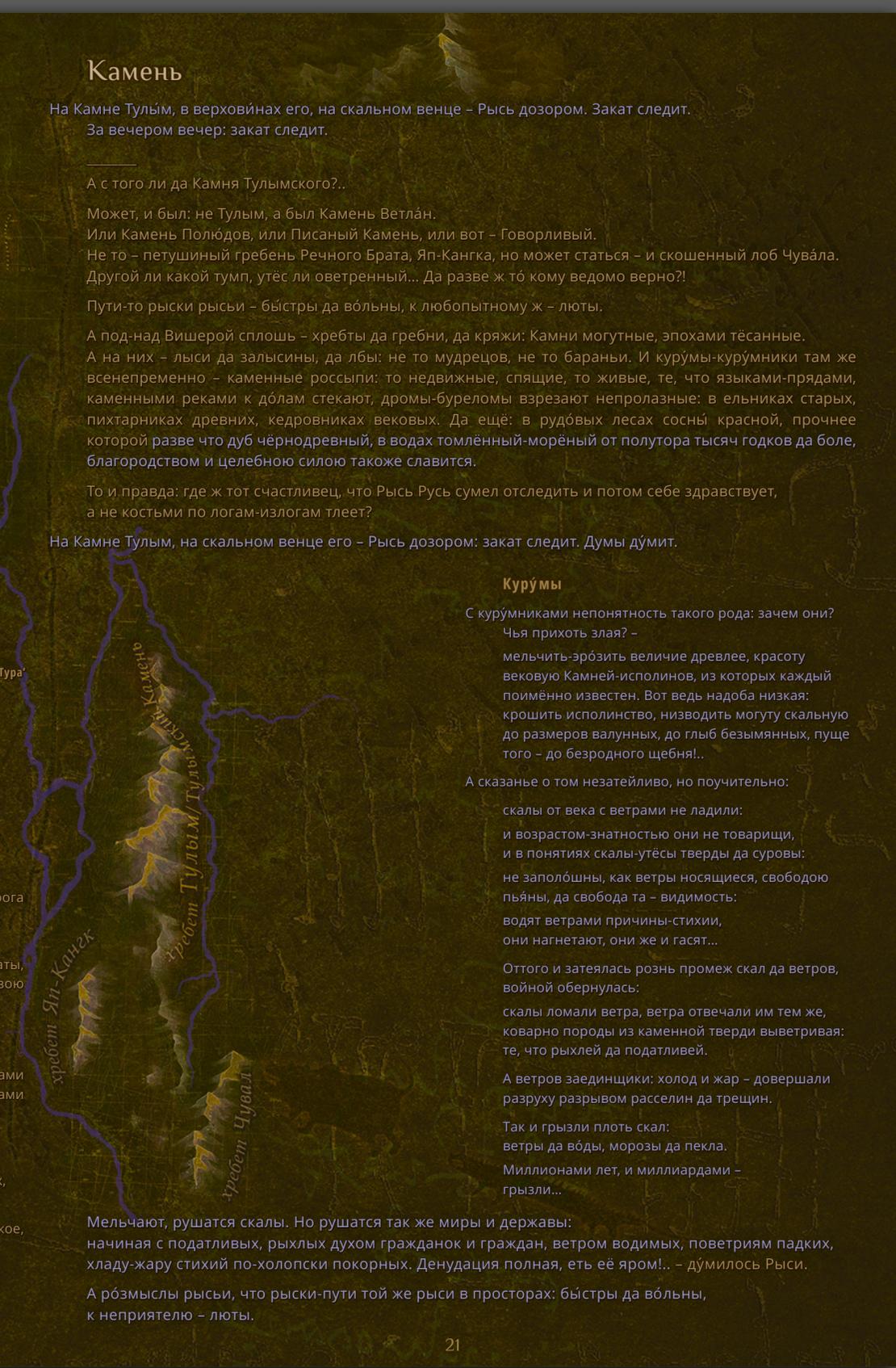
пятюк рек от угорий водами питаются.
То, не считая Вишеры: она те реки и ёмит.

Для пущей же важности озерцо горное имеется, красотами славное, а подгорья – подолы поёмные – болотами затянуты:

видать, от любопытника праздного да братии сбродной, шалой:
не жалует исполин-Камень гостей непрошенных, оттого и с виду хмур: склоны наспил.

Оттого и порогами в окёле загромáдил русло вишерское, а пороги так и значатся – тулымы. Или тулумы.

Это уж сам-каждый решает,
кто себя на порогах пробовал:
через “ум” или “ым” со стихией тягаться...

Курумы

С курумниками непонятность такого рода: зачем они?
Чья прихоть злая? –

мельчить-эрозить величие древлее, красоту вековую Камней-исполинов, из которых каждый поимённо известен. Вот ведь надоба низкая: крошить исполинство, низводить могуту скальную до размеров валунных, до глыб безымянных, пуще того – до безродного щебня!..

А сказанье о том незатейливо, но поучительно:

скалы от века с ветрами не ладили:
и возрастом-знатностью они не товарищи,
и в понятиях скалы-утёсы тверды да суровы:
не заполошны, как ветры носящиеся, свободною пьяны, да свобода та – видимость:
водят ветрами причины-стихии,
они нагнетают, они же и гасят...

Оттого и затеялась рознь промеж скал да ветров,
войной обернулась:

скалы ломали ветра, ветра отвечали им тем же,
коварно породы из каменной тверди выветривая:
те, что рыхлей да податливей.

А ветров заединщики: холод и жар – довершали разруху разрывом расселин да трещин.

Так и грызли плоть скал:
ветры да воды, морозы да пекла.
Миллионами лет, и миллиардами – грызли...

Мельчают, рушатся скалы. Но рушатся так же миры и державы:
начиная с податливых, рыхлых духом гражданок и граждан, ветром водимых, поветриям падких,
хладу-жару стихий по-холопски покорных. Денудация полная, еть её яром!.. – думилось Рыси.

А рózмыслы рысьи, что рыски-пути той же рыси в просторах: быстры да вольны,
к неприятелю – люты.